

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94:330.82(43)''18''

О СОПОСТАВЛЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИБЕРАЛИЗМА В МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫХ ИМПЕРИЯХ ЭПОХИ МОДЕРНИЗАЦИЙ. К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

П. Н. Баратов

РАН, институт всеобщей истории, г. Москва

Статья посвящена теоретико-методологическим аспектам сравнительно-исторического изучения либеральной мысли и практики народов европейских многонациональных империй на примере особенностей функционирования либерального дискурса в Австро-Венгрии в последние десятилетия XIX в.

Ключевые слова: либеральная политическая культура, империя Габсбургов, либерализм в Европе, либерализм в Австро-Венгрии, модернизация империй, либеральная традиция.

Есть ли нужда в сопоставлении опыта конкретных образцов европейского либерализма, а также либерализма в России с учётом всей специфики и разнообразия соответствующих типов государственности и политических культур, имеющих собственную традицию и судьбу? Даже первое приближение к истории либеральной теории и практики в их конкретных исторических проявлениях даёт положительный ответ на этот вопрос. Особенно если речь идёт о последних десятилетиях XIX в., когда народы континентальных империй – Габсбургов, Гогенцоллернов, Романовых, Османов – столкнулись с общим вызовом времени – вхождением в эпоху модернизации, по-своему восприняв его. В этих условиях, как представляется, именно опыт либеральной политики (при всём его конкретно-историческом своеобразии) оказывается мировоззренчески, интеллектуально и функционально сопоставимым, особенно когда речь идёт о такой политико-государственной величине, приступившей во второй половине XIX в. к внутренним реформам, как «дунайская монархия», традиционно воспринимавшаяся как оплот консерватизма и старейшей имперской традиции в Европе.

Данная работа в большей степени нацелена на постановку ряда теоретических вопросов, не претендуя на то, чтобы дать исчерпывающие ответы на них. Тема либерализма как типа политической культуры и исторической практики, а также как строя мысли и идеологии относится к «вечным темам» исторического познания, периодически актуализируясь общественным дискурсом. Представляется, что нынешний момент в его академическом и общественном звучании возвращает в исследовательское поле интерес к либерализму в контексте задач очередной российской модернизации. Историче-

ские прецеденты функционирования *либеральной парадигмы* в теории и практике стран, столкнувшихся со сложностями этого процесса, снова становятся востребованными исследовательскими сюжетами.

Не дерзая ставить перед собой задачу исторической презентации либерального опыта Австро-Венгрии во всём его многообразии, позволим себе лишь остановиться на ряде аспектов политико-культурной оценки либеральной традиции в империи Габсбургов, которую в то время со многими другими государствами «европейского концерта» разделяли вопросы геополитики, но объединяли общие задачи реформирования государственного уклада жизни, а также неизбежные для многонациональных империй проблемы внутренней стабильности.

На высоком научном уровне (как предметно-историческом, так и общетеоретическом) эти вопросы уже ставились и в той или иной мере решались отечественными и зарубежными исследователями, к авторитету которых автор не раз позволит себе обратиться¹. Цель данной работы куда скромней: постараться увидеть (на примере Австро-Венгрии) *пространство либеральных способов решения задач*, стоявших перед странами и их элитами, вынужденными преодолевать архаику и отставание путём преобразований, проводимых «сверху», в условиях монархической государственности².

Почему эта конкретика так важна как опыт? По самой природе либерализма, где бы он ни пытался освоить пространство для своего политического воплощения. Ведь, по словам политического философа, «всё значительное и серьёзное, что можно сказать о либерализме, относится к многообразию его культурно-исторических видов, к описанию неповторимых либеральных экспериментов, благодаря которым в различных ситуациях удавалось (или не удавалось) разрешить проблему связи порядка и индивидуальной свободы»³. А значит, неизменными, повторяющимися, доступными сравнению оказываются *темы либеральной мысли, характер либерального поведения в политике, параметры либерального решения тех или иных задач*. В разных обществах все эти факторы проявляются ситуативно

---

¹ См., к примеру: *Kann R. A. The Multinational Empire: Nationalism and National Reform in the Habsburg Monarchy: 1848 – 1918. N.Y., 1950; Jaszi O. The Dissolution of the Habsburg Monarchy. Univ. of Chicago Press, 1977; Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers. Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000. N.Y., 1988; Sked A. The Decline and Fall of the Habsburg Empire: 1815 – 1918. London, 1989; Deak I. The Fall of Austria-Hungary: Peace, Stability and Legitimacy // The Fall of Great Powers: Peace, Stability and Legitimacy. Oslo, 1994; Шимов Я. Австро-Венгерская империя. М., 2003; Ливен Д. Российская империя и её враги с XVI века до наших дней. М., 2007.*

² Обращение к Австро-Венгрии позволяет затронуть не выходящие из политической «моды» и неизменно «злободневные» (как для стран Центральной и Восточной Европы, так и для России и её «ближнего зарубежья») темы развития национального самосознания, политической практики либерализма, борьбы за представительство национальных интересов и культурное самоопределение в условиях многонациональной и поликонфессиональной государственности.

³ *Капустин Б. Г. Алгоритмы и варианты западного либерализма // Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы: материалы междунар. науч. конф. М., 1999. С. 40.*

и присутствуют в различных сочетаниях, приобретая окрас места и времени. В этом смысле *свобода от эталона* в представлениях о либерализме как раз и позволяет вести разговор о ценности иного опыта, не обрекая при этом на бесплодные поиски соответствия того или иного либерализма некоему абстрактному (идеальному) образцу. В рамках такого подхода появляется возможность приблизиться к пониманию того, «какими путями в эпоху модерна создавались ментальные карты регионов имперских государств»⁴, и каким образом за «фасадами публичной политики» формировались «глубинные культурно-цивилизационные контексты», создающие, в свою очередь, «фильтры сознания» политических элит и воздействующие на «процессы принятия решений и общественные предпочтения»⁵.

В таком ракурсе и либерализм в империи Габсбургов, как устойчивый идейный поток политического развития империи (с момента создания дуалистической монархии), и, к примеру, либерализм в России, так трудно находивший себе место в кругу более радикальных оппонентов («справа» и «слева») в пореформенную эпоху, и прочие проявления либерализма в имперских образованиях второй половины XIX в., – все они предстают в истории как равноправные участники диалога политических культур в пространстве интеллектуальной и повседневной истории. Даже в тех случаях, когда сами либеральные политические и общественные деятели разных стран не находили общего языка или же, вступив в общение, остро полемизировали друг с другом⁶.

* * *

В системе современных исторических представлений о европейских национализмах и либерализмах существует множество точек зрения, вызывающих на протяжении десятилетий острую научную полемику. В отечественной исторической, политологической и историософской мысли проблематика национализма и либерализма в применении к интересующей нас эпохе оказываются тесно связанной с процессами модернизации традиционных континентальных империй, конкретнее – с сюжетами, касающимися сравнительно-исторического изучения политико-культурных перемен в Российской и Австро-Венгерской империях во второй половине XIX в.⁷

---

⁴ Пивовар Е. И. Вступительное слово // Механизмы власти. Трансформации политической культуры в России и Австро-Венгрии на рубеже XIX – XX вв. Материалы международ. конф. Москва, 15 – 18 мая 2007 г. М., 2009. С. 12.

⁵ Там же. С.13.

⁶ См., напр.: Ливен Д. Российская империя и её враги с XVI века до наших дней. М., 2007. С. 296–305. Подробнее о спорах чешских и российских либеральных общественных деятелей см.: Баратов П. «И с Москвой золотоголовой Вышеград заговорил...». Из опыта чешского либерализма. 1870–1880-е годы. М., 2010.

⁷ Наиболее показательны в этом плане коллективные работы, напр.: Политическая наука. Национализм – новейшие исследования: сб. науч. трудов / РАН ИНИОН. отв. ред. и сост. А. И. Миллер М., 2002; Механизмы власти. Трансформации политической культуры в России и Австро-Венгрии на рубеже XIX – XX вв. Материалы международ. конф. Москва, 15 – 18 мая 2007 г. М., 2009.

При всём разнообразии точек зрения на рассматриваемые процессы одно не вызывает сомнений у исследователей. Идеи либерализма и национализма в их специфическом для политического сознания народов Габсбургской империи сочетании определяли идейную среду, в которой, начиная с 1860-х гг., развивались процессы, связанные с политическим и партийным самоопределением различных общественных сил и их последующим размежеванием. Более того, осмысление политической мыслью национальных элит задач национального развития происходило главным образом в рамках либеральных взглядов, что предопределялось как самим ходом развития имперской истории, так и внутренним содержанием развития либерализма в Европе в исследуемый период.

Формирование партийной системы, социальные и идейные размежевания, расширение избирательного права, общеевропейская тенденция к соединению в единую систему двух институтов – партий и парламентов – способствовали развитию и дифференциации политических сил, уточнению их позиции. Ощутив себя частью механизма представительства, политические элиты либеральной части спектра столкнулись с множеством задач, среди которых были: аккумуляция и выражение общественных интересов; дальнейшая политическая социализация своих народов, расширение «культуры участия» в механизмах представительства; формулировка политических программ, соответствующих задачам времени.

На этом этапе в партийно-политических кругах идёт напряжённая либеральная дискуссия на тему того, что же дала той или иной нации многонациональной империи возможность парламентского присутствия на общеимперском уровне и какие силы в спектре национальных политических сил способны оптимальнее использовать эту возможность. Тем более, что по мере приближения конца XIX столетия на политической арене появляются или укрепляются иные партийно-политические конкурирующие силы, в том числе и социал-демократия.

Стремление решать назревшие социально-политические и культурные проблемы в режиме национальной солидарности – т. е. консолидации на основе памяти об общем прошлом, о единстве языка, культуры и духовной общности, наметило тенденцию к превращению различных национализмов «дунайской империи» в идеологию политизированной этничности разной степени радикализма. К примеру, именно культурно-национальные аргументы при формулировании чешскими партиями своих политической позиций имели общие исторические истоки с идеями классического европейского либерализма, основываясь на естественно-правовом мышлении⁸. В идеологии и практике наиболее влиятельных чешских политических деятелей второй половины XIX в. постулаты либерализма и идеи национальной солидарности сочетались самым тесным образом, придавая определённый колорит стилистике чешской политической культуры той эпохи⁹.

⁸ См.: *Mill J. S. Consideration on Representative Government*. N.Y., 1958. P. 55.

⁹ Эта тема подробно рассматривается в работах О. Урбана (*Urban O. Česka Společnost 1848–1918*. Praha, 1982), а также в отечественной историографии З. С. Не-

Именно либеральные партийно-политические силы представляли собой в исследуемое время наиболее существенную, влиятельную, типичную и авторитетную линию развития общественной жизни народов Австро-Венгрии. Их внутреннее соответствие вызовам времени, а также природе тогдашнего общества подчёркивается и в зарубежной историографии¹⁰. Политические партии с той или иной степенью умеренности и радикализма отработывали на своих «площадках» приёмы либерального преодоления существовавших конфликтов, зачастую создавая новые «конфликтные поля»¹¹. Вполне закономерно стержнем политической жизни в Австро-Венгрии и предметом особого внимания политических деятелей в рассматриваемый период стала тема представительства национальных интересов в выборных учреждениях монархии Габсбургов.

Исследователями не раз отмечалось, что борьба либеральных политических сил в режиме национальной конкуренции в Австро-Венгрии не ограничивалась коллизиями их отношений с имперскими властями¹². Межнациональные конфликты по поводу справедливого национального представительства также находились в едином поле действия либеральной идеи гражданских свобод и равноценной приобщённости к парламентской деятельности.

Ускорение индустриализации и урбанизации, укрепление финансового и промышленного капитала, расширение миграционных потоков, развитие бюрократического аппарата имперского управления, – все эти процессы, свойственные рассматриваемому периоду, социально и экономически подкрепляли сферу действия либеральной идеи и одновременно приводили к тому, что во всех упомянутых сферах усиливалась конкуренция между различными народами империи Габсбургов. В этом случае становится понятной сложная и многообразная проблематика межнациональной конфликтности, требовавшая от политических сил либерального спектра столь же многостороннего реагирования¹³.

Для того времени ключевые требования, выдвигаемые большинством представителей народов империи, обделённых австро-венгерским дуализмом (самоуправление, справедливое избирательное право, национальное представительство в парламентских органах, право на культурное са-

---

нашевой («Общественно-политическая мысль в Чешских землях в конце XIX – начале XX века», М., 1994.

¹⁰ *Главачка М.* К концепции либерального гражданского общества в Чешских землях: попытка определения // *Власть и общество: непростые взаимоотношения. Страны Центральной и Юго-Восточной Европы: сб. ст.* М., 2008. С. 48.

¹¹ Там же. С. 47.

¹² *Ливен Д.* Российская империя и её враги с XVI века до наших дней. С. 301.

¹³ Современный австрийский исследователь И. Файхтингер в этой связи выдвигает жёсткую формулировку: «Логика национального развития в большинстве своём связывает процессы разграничения с отделением друг от друга» (*Файхтингер И.* В поисках идентичности. Европа сегодня и монархия Габсбургов в контексте культурного плюрализма // *Механизмы власти. Трансформации политической культуры в России и Австро-Венгрии на рубеже XIX – XX вв. Материалы Международной конференции.* Москва, 15 – 18 мая 2007 г. М., 2009. С. 68).

моопределение и языковое равноправие), точно соответствовали основным положениям либеральной теории, сформулированным европейской политической мыслью ещё в первой половине XIX в. Своеобразие либеральной политической мысли и внутренние размежевания в этой среде определялись сложной, меняющейся на протяжении рассматриваемого периода смесью политических ориентиров при сохранении ряда базовых характеристик. Элементы демократических требований, проявления консервативного мышления, представление о высокой значимости национального исторического опыта, либеральные ценности парламентаризма и стойкое стремление к защите национальных интересов в рамках политических программ и общественно-культурного прогресса – все эти неперенные характеристики общеевропейского политико-культурного пространства присутствовали во взглядах и позициях национальных политических деятелей Австро-Венгрии. Те или иные проявления этих настроений различались степенью своего радикализма или умеренности, а также мерой практичности или теоретичности.

Само перечисление упомянутых политических ориентиров свидетельствует о том, что теоретико-методологические аспекты темы связаны с проблематикой, до сих пор вызывающей острые научные споры у исследователей – историков, политологов и философов. Для выработки наиболее точного и адекватного поставленной задаче теоретико-методологического подхода требуется учитывать общеевропейский идейно-теоретический и политико-культурный контекст эпохи, в «климате» которой происходило становление и развитие либеральной политической культуры в государстве Габсбургов.

Во второй половине XIX в. длительная европейская парламентская традиция достигла степени зрелого парламентаризма, упрочив институциональный базис действия либеральной идеи. К этому же времени парламентаризм и демократия, по мнению немецкого политического философа Карла Шмита, оказались «связаны таким образом, что оба понятия воспринимались как равнозначные...»¹⁴. Философия либерализма (Дж. Локка, Ш. Монтескье, Дж. Мэдисона, Ж.-Ж. Руссо, И. Бентама, Дж. С. Милля) сыграла ключевую роль в появлении и упрочении зрелого парламентаризма, связанного с базовыми идеями свободы человека, гарантиями его естественных, неотчуждаемых прав, с теорией договорного происхождения государства, с принципом разделения властей и т. д. Естественно-правовое мышление, свойственное политическому менталитету классического либерализма, постепенно, но последовательно укрепляет в сознании политических элит мысль о том, что народное представительство (как данность или как цель) является обязательным формальным компонентом легитимного правления¹⁵.

Свобода политической дискуссии, право на партийно-политические объединения, свобода печати и издательской деятельности также проявляют

---

¹⁴ Шмит К. Политическая теология: Сборник. М., 2000. С. 181.

¹⁵ См.: Mill J. S. Consideration on Representative Government. N.Y., 1958. P. 55.

себя как неотъемлемые составляющие теории политического и философского либерализма, реализующего себя в практике европейского парламентаризма. Невозможность высказывания своей политической воли, социальных потребностей, культурных устремлений через систему представительства или же отказ от использования такой возможности воспринимался либеральной мыслью как величайшее несчастье или неблагополучие в политическом устройстве государства. Ибо «без свободы выражения граждане очень скоро лишаются способности влиять на программу и очерёдность правительственных решений. Безмолвные граждане – это идеальные подданные для авторитарного правителя и несчастье для демократии»¹⁶.

Социально-политические трансформации в европейских странах, связанные с преобразованием парламентов на протяжении второй половины XIX в. в институты более широкого социального и национального представительства (расширение избирательного права), неизбежно сопровождались процессами социального и идейного размежевания, проявлявшимися в процессах формирования и укрепления политических партий. Всеобщее избирательное право, по пути к которому вынуждены были продвигаться даже столь консервативные государства, как империя Габсбургов, вело к системному взаимодействию партий и парламентов как двух ключевых политических институтов. Становясь частью механизма представительства, партии, таким образом, интегрировали в себе две функции – гражданского общества и государственного управления.

Для того чтобы приблизить теоретическую базу размышлений о природе либерализма к политико-культурной практике Австро-Венгрии, обратимся к работе австрийского экономиста и социального философа Людвиг Фона Мизеса (1881–1973) «Либерализм в классической традиции»¹⁷, увидевшей свет в 1927 г. и переведённой на русский язык лишь в 1995 г. Она представляет собою итог теоретического осмысления автором развития классического либерализма в Европе на протяжении XIX в. и воспринимается отечественными и западными исследователями как образец анализа политического поведения, политической мысли и партийной позиции европейского либерала. Ряд размышлений Мизеса связан с историческими особенностями развития либерализма в Центральной Европе, в частности, в империи Габсбургов. Особенностью данной работы является и то, что автор её – не только исследователь, но и апологет либеральной политической мысли¹⁸.

¹⁶ Даль Р. О демократии. М.: 2000. С. 96.

¹⁷ Мизес. Л. Либерализм в классической традиции. М., 1995.

¹⁸ Один из исследователей научного творчества Мизеса, Л. М. Спадаро, писал в этой связи: «Прежде всего, слово «либерал» имеет ясные этимологические корни, отражающиеся в идеале личной свободы. Оно также имеет ценные исторические основания в традиции и опыте, а также богатое и обширное литературное наследие в области социальной философии, политической мысли, художественной литературы и т.д. По этим и многим другим причинам важно, чтобы та точка зрения, которая содержится в этой книге, имела бы исключительное и неопровержимое право именоваться либеральной» Цит. по: Мизес. Л. Указ. соч. С. 22.

Сам термин «классический либерализм» объясняется у Мизеса тем, что опыт XX в. придал либерализму новые характеристики (этатизм и элементы социализма), в связи с чем появились и соответствующие термины – неолиберализм, либерально-консервативный синтез и т. д. Именно у Мизеса мы находим рассуждения о том, что идеи либерализма и национального освобождения имеют в Европе общий исток в философии Просвещения и общем либертарном (освободительном) настрое общественно-политической мысли рубежа XVIII–XIX в. И лишь конец XIX в. ознаменовался тем, что «либеральные идеи и программы были вытеснены социализмом, национализмом, протекционизмом, империализмом, этатизмом милитаризмом»¹⁹.

Для задач данного исследования представляет интерес утверждение Мизеса, представителя «австрийской» экономической школы, о том, что причина упомянутой эволюции отношений либерализма и национализма состояла не в логике развития буржуазного общества и империализма, а в эгоизме партийных и политических элит, искажавших изначальный освободительный, демократический потенциал либерализма в угоду сиюминутным государственно-политическим выгодам.

Особенности исторического развития либеральных идей в интересующем нас регионе Европы Мизес характеризует следующим образом: «Когда либеральные идеи стали распространяться из своей родины – Западной Европы – на Центральную и Восточную Европу, традиционные силы, т. е. монархия, знать, духовенство, полагаясь на имевшиеся у них средства угнетения, чувствовали себя в полной безопасности. Они не считали необходимым бороться с либерализмом и образом мышления периода Просвещения с помощью интеллектуальных средств. Подавление, преследование и тюремное заключение недовольных казались им более подходящими средствами. Слишком поздно они с ужасом осознали, что новая идеология выбила это оружие из их рук, завоевав умы чиновников и солдат. Потребовалось поражение старого режима в борьбе против либерализма, чтобы научить его приверженцев той простой истине, что нет ничего могущественнее на свете, чем идеологии и идеологи, и что против идей можно сражаться только с помощью идей»²⁰.

Именно в этом духе начинают развиваться отношения государственной власти Австрийской монархии со своими многонациональными подданными после революции 1848–49 гг., что в итоге приводит к реформированию политической системы в сторону дуализма и последующему формированию национально-либеральных партий.

Для понимания исторического контекста развития либеральной политической культуры в Австро-Венгрии в исследуемый период важно следующее замечание Мизеса: «Несмотря на то, что либерализм нигде не нашёл полного признания, его успех в XIX в. был настолько серьёзным, что некоторые из наиболее важных принципов либерализма стали считаться

---

¹⁹ Мизес Л. Указ. соч. С. 32.

²⁰ Там же. С. 158.

неоспоримыми»²¹. Впечатляющие реформаторские тенденции в развитии австрийской государственности в последние десятилетия XIX в., отмеченные рядом исследователей²², свидетельствовали о том, что либеральные настроения постепенно проникали и в консервативную среду государственного управления. С ещё большей закономерностью они проявляли себя в поведении национальных элит, основная задача которых, по сути своей, пребывала в поле действия либеральной идеи, поскольку ориентировала политиков и общество на обеспечение их справедливого правового, гражданского, культурного статуса.

Концепция Мизеса (по сути – апология социальной этики и политической культуры европейского классического либерализма) даёт определённый ракурс рассмотрения той или иной национальной политической мысли и практики в плане её соответствия основным постулатам классического этапа в развитии европейского либерализма. Ибо перечисленный Мизесом набор идей, установок и тактик либерализма был той общеевропейской интеллектуальной и ценностной средой, которая питала и во многом формировала политические фигуры той эпохи. Причём вне зависимости от того, были ли это, скажем, либеральные политики-практики Австро-Венгрии или либеральные теоретики и публицисты России.

Таким образом, даже фрагментарное обращение к ряду методологических подходов в сравнительно-историческом исследовании поля действия либеральной идеи в традиционных монархиях (на примере Австро-Венгрии) открывает, на наш взгляд, перспективные линии дальнейшей работы в данном направлении.

Список литературы

1. *Deak I.* The Fall of Austria-Hungary: Peace, Stability and Legitimacy // The Fall of Great Powers: Peace, Stability and Legitimacy. Oslo: Scandinavian Univ. Press, 1994.
2. *Jaszi O.* The Dissolution of the Habsburg Monarchy. Univ of Chicago Press, 1977.
3. *Kann. R. A.* The Multinational Empire: Nationalism and National Reform in the Habsburg Monarchy: 1848 – 1918. N.Y., 1950.
4. *Kennedy P.* The Rise and Fall of the Great Powers. Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000. N.Y., 1988.
5. *Mill J. S.* Consideration on Representative Government. N.Y., 1958.
6. *Sked A.* The Decline and Fall of the Habsburg Empire: 1815 – 1918. London, 1989.
7. *Urban O.* Česka Společnost 1848–1918. Praha, 1982.
8. *Баратов П.* «И с Москвой золотоголовой Вышеград заговорил...». Из опыта чешского либерализма. 1870–1880-е годы. М., 2010.
9. *Главачка М.* К концепции либерального гражданского общества в Чешских землях: попытка определения // Власть и общество: непростые

²¹ Мизес Л. Указ. соч. С. 48.

²² Ливен Д. Российская империя и её враги с XVI века до наших дней. С. 318.

взаимоотношения. Страны Центральной и Юго-Восточной Европы: сб. ст. М., 2008.

10. Капустин Б. Г. Алгоритмы и варианты западного либерализма // Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. Материалы международной научной конференции. М., 1999.
11. Шимов Я. Австро-Венгерская империя. М., 2003.
12. Ливен Д. Российская империя и её враги с XVI века до наших дней. М., 2007.
13. Шмит К. Политическая теология: Сборник. М.: 2000.

**ON THE COMPARISON OF LIBERAL POLITICAL CULTURE IN
MULTINATIONAL EMPIRES IN THE EPOCH OF MODERNIZATION
(ON THE FORMULATION OF THE QUESTION)**

P. N. Baratov

Russian Academy of Sciences, Institute of General History, Moscow

The article deals with the theoretical-methodological aspects of comparative-historical study of liberal thought and practice of the peoples of multinational empires – in case of Austria-Hungary and the functioning of its liberal discourse in the last decades of the XIX th century.

Keywords: *liberal political culture, Habsburg Empire, liberalism in Europe, liberalism in Austria-Hungary, modernization of the Empires, liberal Tradition*

Об авторе:

БАРАТОВ Пётр Николаевич – РАН, институт всеобщей истории,
научный сотрудник, e-mail: petr_baratov@mail.ru

Статья поступила в редакцию 27.05.2012